

Шеннон
Кёрк

Шеннон
Кёрк

Невероятное путешествие Вивьен Маршалл

*Невероятно трогательная история жизни!
Роман о настоящей любви и верности*

Вивьен Маршалл, красивая молодая женщина, неожиданно становится жертвой автомобильной аварии. В тяжелом состоянии и без сознания она попадает в реанимацию. Ее душа парит в невесомости: женщина, несмотря на свое состояние, чувствует, что находится в раю. Ей хорошо и спокойно, потому что Вивьен наконец-то рядом с Ноем, своим другом детства и первой настоящей любовью. Он умер в 23 года, и она, которая была невероятно счастлива с ним, тоскует все это время. В самые трудные минуты женщина мысленно обращается к любимому и рассказывает ему о своей жизни... Сейчас Вивьен, кажется, обрела покой. В своем собственном раю вместе с Ноем она открыла сердце радости. Но в реальной жизни ее ждет еще одна любовь — восьмилетний сын Айван... Впереди — сложный выбор...

www.bookclub.ua

ISBN 978-617-12-3962-3

9 786171 239623

Невероятное
путешествие
Вивьен Маршалл

Shannon Kirk

*The Extraordinary
Journey of
Vivienne Marshall*

A Novel

REPUTATION BOOKS

Шеннон Кёрк

*Невероятное
путешествие
Вивьен Маршалл*

Роман

УДК 821.111(73)
К36

Никакая часть данного издания не может быть
скопирована или воспроизведена в любой форме
без письменного разрешения издательства

Переведено по изданию:
Kirk Sh. The Extraordinary Journey of Vivienne Marshall : A Novel /
Shannon Kirk. — [S.l.] : Reputation Books, 2016. — 211 p.

Перевод с английского *Валерии Бондарь*

Дизайнер обложки *Оксана Волковская*

ISBN 978-617-12-3962-3
ISBN 978-1-944387-08-2 (англ.)

© Shannon Kirk, 2016
© Hemiro Ltd, издание на русском языке, 2017
© Книжный клуб «Клуб Семейного Досуга», перевод и художественное оформление, 2017

Моей маме, которая рассказывала сказку о застрявшем селезене, поэтому это ее история. Моему папе, который рассказывал о том, как продавал шнурки в Рождество, поэтому это его история. Мне посчастливилось стать дочерью самоотверженной, отчаянной женщины и пришельца с планеты под названием Шабондалей. К счастью, эта межвидовая связь вылилась в нечто, что можно назвать домом сказок.

Моим братьям, Брандту, Майку и Адаму, вечным лузерам в изматывающей игре под названием «Монополия».

Бет Хоанг, Джессике, моей Джози, Армадилу, моему Солнышку, моему дядюшке Честеру, моей кухне, моей горячей любимой читательнице черновиков.

Хезер Райт, единственному человеку, с которым я пила коктейль «Оползень». Моей самой лучшей подруге, которая прошла со мной воду и огонь.

Кристин Франк, ведь магнолии ее мамы действительно очень милые.

Лаклану Кэмерону, истинному священнику, истинному вдохновителю.

Майклу, моему мужу, который слушает все это и дает наставление, словно настоящий ангел-хранитель. Без него я была бы безбашенной и потерянной.

Максу, одному и единственному Максусу, которому я рассказывала все эти истории, ведь он — центр Вселенной.

И наконец, безымянному таксисту. Надеюсь, однажды ты найдешь дорогу в Рай, но еще не скоро. Будь я Вивьен, я бы обязательно изучила твой Рай. На момент поездки в твоей машине я давным-давно начала писать эту книгу, несколько

месяцев назад, только не знала, продолжать попытки или же сдать. А когда ты сказал: «Где-то там должен, должен быть Рай. Нужно просто найти туда дорогу», хотя я даже не говорила с тобой... Что ж, именно тогда я задумалась: это знаки ищут меня или я ищу их?

Глава I

Я должна была остановиться. Я должна была смотреть по сторонам. Я должна была высунуть голову из виртуальных облаков и оторвать глаза от сообщения. Кажется, это было так глупо, так банально, так постмодерново, умереть вот так просто, но это именно то, что я сделала. Мне просто нужно было прочитывать последние обновления на Facebook. Что же ты делаешь, одноклассница Сюзан Талгар? Что же ты делаешь в эту самую секунду? Я должна, должна знать. Ага, хорошо, ты загадала слово «восхождение» в игре в слова.

С друзьями!

Только представьте себе: я, поглощенная уличным потоком, цокаю каблучками своих именинных туфель. Представьте себе эту милосердную погоду и то, как сама матушка-природа наконец позволила прогуляться без куртки и насладиться ароматом молодых цветочков, листочков и молодым воздухом, словно даже небо вдохновилось весной. Понимаете, какие надежды мы возлагали на этот майский день? Все мы, я и эти занятые, загипнотизированные незнакомцы; мы шли вперед, пока наши мозги заглатывали миллиарды битов и байтов информации из девайсов в наших руках, что держали нас в полном неведении; если не считать того, что все остановились на красный свет. Все, кроме меня. Видимо, только мне посчастливилось иметь такую гениальную подругу, как Сюзан Талгар, которая с нечеловеческой легкостью ставила других в тупик своими острыми словечками.

Высокая решетка ударяет меня в бок, я отлетаю вперед и много вверх, согнувшись, словно бесхребетная кукла, пока мой лоб служит осью моему сотрясающемуся телу. Крошечная

галька впивается мне в нос и щеки — все это, несомненно, случилось быстро, но так медленно для меня.

Содрав кожу с рук, ног и лица в горячем падении, я фокусируюсь максимум на секунды три на двух вещах. Первая — это мои красные каблуки, торчащие из железной решетки какого-то чудовищного грузовика — бронированного, пожарного, курьерского, не знаю, большого грузовика. Каким образом законы физики вступили между собой в сговор, чтобы создать этот коллаж из грузовика и шпилек, было неподвластно моему ничтожному уму редактора-фрилансера.

Вторая вещь — это моя открытая кожаная сумка и ее оторванная ручка. Застежка с серебристой пряжкой стучит по коже, словно палец стучит по столу. Все содержимое извергается наружу. Бумажки и фотографии кружат вместе с ветром, цепляясь за щиколотки оцепеневших пешеходов: некоторые из них стояли, закрыв рты ладонью, некоторые, прикрыв глаза детям, кричали, а одна женщина бросилась ко мне. Содержимое сумки, которое казалось столь важным каких-то пару минут назад, отлетело к входу в метро, к окнам магазинов и ресторанов: отредактированная мною рукопись одного моего клиента, рисунки моего милого сына Айвана для Малой лиги и план на лето Джека (отца Айвана) — он не менялся с момента рождения Айвана.

Кроме того, из сумки выпала книга под названием «Единственный и неповторимый Айван». Я читала ее сыну перед сном — он любил главного персонажа, гориллу, не думаю, что дело лишь в его имени. «Айван» падает на бордюр и ударяется своими чистыми страницами. Все вокруг гремит, хлопает, кружится, колеблется, сотрясается, в отличие от обомлевших зевак от вида сломанной меня — все слишком шокированы, чтобы собрать детали моей прелестной жизни воедино.

Проходит три секунды, и все сирены, которые я слышала, замолкают, тухнет и солнечный свет, и бормочущий лязг мотора грузовика. Люди молча пялятся, а их движения становятся белыми, а затем и вовсе темнеют.

Каким было то слово? *Восхождение*? Ах ты, жестокий, умный мир. Грязный, маленький дьяволенок. Мерзкий, мерзкий хитрец. Снова меня вокруг пальца обвел.

Глава II

Ной

Я оказалась в чудесном парке с пышным, ярким травяным покровом и деревянной тропинкой. Я пошла по этой тропинке мимо неуловимых ручейков и почувствовала, как солнце коснулось моего лица. Я пошла за лучиком. День ускользнул, и опустились сумерки.

В сумеречном воздухе я наткнулась на узкий мостик. Пересечь его мог только пешеход или гольф-корт, ну или местный олень, или какой-нибудь полевой кролик. Этот мост с вырезанными вручную ступеньками и газовыми лампами, он прекрасен, вам так не кажется?

Все вокруг моста и даже внизу, в долине, кружится, а изогнутые ветви деревьев борются за свободное место, будто тысяча людей пришли на вечеринку свитеров и все меряют свитера, натянув их на головы и застряв локтями, а когда пытаются их снять, то снова застревают. Кривые, изогнутые, длинные, короткие, напряженные, вытянутые, высокие и низкие, повсюду

эти узловатые конечности. А еще они старые, как слоновий хобот с коленями, а их толстая кожа и морщины — это результат многолетней мудрости. Да и цвет тоже: естественный серо-коричневый.

Листья шелестят в быстром танце, словно хихикая от радости. Глядя на верхушки деревьев, густые, как брокколи, я не смогла вспомнить более идеальное небо, разве что то, нарисованное Ван Гогом. Ну, вы ведь знаете картину «Звездная ночь», с тем самым синим небом цвета планеты Земля. А в том лазурном небе танцуют белые, да, по-настоящему белые звезды; ниточки от их верхушек, отражаясь в океане, касаются своих же отблесков.

Никакого холодного бриза. Никакой сжигающей жары. Кажется, золотое сияние газовых ламп в туманной металлургии остужает мое тело до температуры воздуха — словно моя кожа сливается с ночью, между мной и этим пейзажем полностью размываются границы.

Кое-как я подхожу к подножию моста и думаю, была ли я здесь раньше, а если нет, то почему. Как я могла упустить столь прекрасное место? Меня обманули? Имела ли смысл вся моя прежняя жизнь? За что мне пришлось пройти все эти испытания, если все это время меня ждало это место, за что?

Что-то, кто-то стоит прямо напротив меня, по ту сторону моста. Он держит руки в карманах. И смотрит на меня. Молча. В газовом свете я смогла определить, что ему лет тридцать пять, как и мне, словно он вместе со мной продолжал взрослеть. Словно он не получил травму и не умер, прежде чем нам исполнилось по двадцать три. Его белокурые волосы были несколько короче, чем в молодости, но его голубые глаза по-прежнему излучали свет. А еще он жив. Ной. Жив. Он шагает прямо ко мне, крепкими и уверенными шагами. Он проводит рукой по волосам, и морской браслет, который я отправила ему в центр реабилитации, касается рукава его куртки. Я просто стою и, пытаясь удержать равновесие, с удивлением осознаю, что он все-таки надевал этот браслет.

Я смотрю на Ноя, да, Ноя, который ждет меня по ту сторону моста. Моя любовь, мой Ной, за которого я вышла бы замуж,

если бы он тогда не сломал позвоночник, если бы только дал мне шанс пройти через все это вместе. Я помню, как репетировала клятвы, то, как мерила мамино свадебное платье. Конечно, все эти мечты могли быть лишь выдумками вчерашней школьницы, но тогда, еще до травмы, все чувствовали в нас глубину.

Я попыталась перебежать мост и броситься в его объятия, но он протянул ко мне руку, словно огромный фен.

— Стой. Стой. Я сам подойду, — сказал он.

Ной — единственный, кто пришел меня встретить. Царапая безымянный палец большим, я ощутила отсутствие чего-то, чего никогда там не было. Я представила себе Джека, отца моего сына, но прямо перед собой видела Ноя. Две боли. Два взрыва. Две любви, которые охватили большую часть моей жизни.

Ной притронулся своей теплой рукой к моему лбу и, отодвигая большим пальцем прядь моих волос, внимательно посмотрел мне в глаза. До чего же он близко, спустя столько лет, и теперь все эти бесконечные секунды без него просто растворяются в его дьявольском подмигивании. Его сладкое дыхание свежего меда, я снова ощущаю его дыхание. Камень, что давит мне на грудь, поднимается, и из моих легких уходит воздух. Ной наклоняется ко мне и шепчет:

— Успокойся, Вивьен.

Его губы едва касаются моей щеки, слегка поглаживая мою кожу. И пусть это касание было мимолетно, я кое-что вспомнила. Я вспомнила поцелуй так много лет назад.

— Вивьен, я не могу дождаться, чтобы показать тебе возможности, — говорит он, словно спустя столько лет это нормальное приветствие.

— Ной?

— У нас будет уйма времени на то, чтобы все вспомнить, я помогу тебе изучить варианты.

— Варианты?

— Да, варианты создания твоего собственного Рая.

Варианты? Рай? Прежде чем мне удалось сформулировать девять сотен вопросов, которые, естественно, меня интересуют, ослепляющая белизна вымыла всю картинку. Моргаю. Все исчезло. И какой-то мужчина вставляет трубки мне в нос.

* * *

Я полна морфина, всемирного наркотика, так что, увы, у меня не вышло голливудской реакции на происходящее. К моей голове и шее прикреплен металлический ореол, устремляющий мой взгляд в круглую лампу на белом потолке, а прямо под мой подбородок заправлена белая простыня. Пытаясь рассмотреть комнату, я увидела еще кое-что белое. Мужчина с трубками сообщает какие-то медицинские термины кому-то вне поля моего зрения. Его раздутые бледные щеки и округлый нос напомнили мне кого-то по имени О'Брайен, или Мак-Афи, или Каллахан. Знаете, он выглядел очень по-ирландски.

Пульсирует каждый нерв моего тела, а монитор над головой воет, словно сирена, взывая к мужчине нажать на мигающие кнопки. А эти белые стены, белое одеяло, белые простыни, эта трубка с жидкостью, которую они подсоединили к моим венам, их лекарства, их шепот, эти цилиндры, заключающие меня в гипсовый каркас, — все это, все, каждое слово, душит меня этой суровой реальностью. До чего же мне хотелось вернуться к живописному мосту. В мұках я попыталась закусить губу; оказалось, я не могу сделать даже этого.

Предположительно ирландец приложил два пальца к моему оголенному запястью и изучил мои открытые глаза.

— Я твой медбрат, милочка. Седативные и болеутоляющие снова действуют через пару секунд. Успокойся, дорогуша. Давай вместе считать.

Восемь. Дыши.

Семь. Дыши.

Шесть. Не забывай дышать.

Пять.

Четыре.

И три, милая.

Два.

Один.

Один, дыши, успокойся, милая.

Меня действительно накрыла теплая волна: *успокойся, милая*. Судя по моему обмундированию и неподвижности, я поняла, что ужасная тошнота, которую я чувствую, перекрывает

неописуемую боль, что хранится на бухте, сдерживаемой тонкой панацеей наркотиков. Одна небольшая капля на каком бы то ни было химическом уровне, который поддерживает мой медбрат, может отправить меня в глубины Ада. Дьявол мучений только и ждет возможности снова раскрошить мои кости бульдозером и проткнуть мои органы тупыми вилами.

Медбрат, по-видимому удовлетворившись результатом подсчета моего пульса, легкими ударами прошелся мокрой прохладной ватой по уголкам моих глаз.

— Ну, привет. Мы и не думали, что ты сегодня проснешься, — сказал он.

— Что случилось? — удалось пробормотать мне сквозь сомкнутые губы.

Мужчина рассмеялся. О, это был искренний, раскатистый смех, а его широкие, полные плечи пружинили и тряслись, словно желе.

— Ухуууу, уууухуууу, уууу, хаааа, так, значит, у нас здесь юмористка, — сказал он, проверяя зажим на моем пальце, делая какие-то пометки и глядя на диаграмму, зажатую между его мягким пузом и левым запястьем.

— Мммм, — промычала я в ответ.

— Милая, ты проделала огромную работу над собой, дорогуша. Пришлось подраться со старым добрым грузовиком, а? Разве мама не говорила, что все они сделаны из стали? Ты просто прелесть, дорогуша, прелесть.

Стоп! Я что, в какой-то южной больнице? Но если так, то он должен был сказать: «Тебя покорежило, подруга, но я спас тебе жизнь». Последнее, что я помню, — это то, как я, словно чертов зомби, бросилась под колеса грузовика.

— Где я?

Казалось, я провела минут десять, пытаясь выдавить из себя этот вопрос.

— Ты в больнице штата Массачусетс, дорогая. В старой доброй реанимации. Ты здесь уже сутки. Сегодня среда. Ммммхммм. Доктора оперировали тебя целых десять часов. И, я думаю, они довольно хорошо справились.

— Откуда (кашель) (пауза) (вздых). Вы (пауза) (пауза). Родом?

— Так вот что тебя беспокоит? Откуда старый добрый я родом? Ну разве ты не прелесть? Самая что ни на есть прелесть.

Я моргаю. Медленно. Размеренно. Моргаю. Разговоры, оказывается, требуют ядерной энергии на этой стороне белых огней.

— Что ж, черт побери, мало кто меня о чем-либо спрашивает. Большинство моих пациентов в реанимации довольно молчаливы. Я ухаживал за одной леди, которая лежала в коме целый год. Я постоянно читал ей вслух. Теперь моя леди уж точно не спросит, откуда я. Они забрали ее две ночи назад. Ангелы. Забрали ее около двух ночей. То есть я не видел ангелов своими глазами, но, казалось, слышал шепот или что-то вроде того. Я тогда был посередине статьи о ранчо в долине Кармель, в Калифорнии. Звучит просто идеально, и моя леди... что ж, мне показалось, что она тоже улыбается... А может, это из-за наркоза. Но тогда стон, свист, и я поднимаю взгляд. И больше никакой улыбки. Никакой. Лишь плоская, ровная линия сомкнутых губ, к сожалению, совпадающая с линией на кардиомониторе. Что ж, моя леди, теперь мы лишь одинокие птички на старом кладбище Раунд-Рок. Я из самой-самой глубинки Миссисипи, прелесть. Оттуда, где аллигатора держат в роли питомца. Я белый гей с круглым, но гордым животом, а еще я скучаю по рыбалке рядом с домом моей старой доброй тетушки! Тебе нравится, милая? Вижу, ты улыбаешься. У меня есть уйма историй для тебя, дорогуша. А ты лишь продолжай бороться ради меня, ладно?

Мне захотелось обнять этот большой гомосексуальный самоцвет. Захотелось поцеловать его лунообразное лицо, пригладить его тусклые волосы и сказать, что я в восторге от его акцента. Мне захотелось стать ему другом, читать с ним журналы о путешествиях, потягивать вино или пиво и есть жареную южную еду во время длинных обедов, сплетничать, болтать, слушать его «уйму историй» и выяснить, почему он так одинок на «старом Раунд-Роке». В жизни я легко привязываюсь к людям. Иногда даже самое элементарное подмигивание в мою сторону или простой блеск в глазах незнакомца способны растопить мое сердце, сделанное из швейцарского сыра. Я испытываю огромную слабость к доброте и страсть к рассказчикам.

И даже несмотря на то, что я лишь наполовину в сознании, мне удалось заметить потускнение в глазах медбрата, его опущенные веки и чрезвычайно сутулый, словно пораженный, силуэт. Ему присущ юмор, та маленькая озорная искра, но этот мужчина скрывает какую-то скорбь, это видно невооруженным глазом.

Мне хотелось спросить, как его зовут и что его тревожит, но также мне ужасно хотелось пить, а мои веки весили по двадцать фунтов. Все, на что мне хватило сил, это сгенерировать последнюю связную мысль: «Нужно возвращаться к мосту».

Кровать начинает раскачиваться подо мной. Лампы на потолке кружатся, словно вихрь. Покрытое красными пятнами лицо медбрата нависает над моим.

— Нет, прелесть, ну же, борись, — сошурившись от разочарования, сказал он. — Я должен рассказать кому-нибудь — черт, любой живой душе! — останься со мной, и я доверю тебе секрет. Ты единственная в этой палате, кто станет меня слушать, и я точно знаю, что ты никому не расскажешь. Борись, милая, ну же...

«Секрет? Почему он так нервно оглядывается? Я ведь его даже не знаю. Как его зовут?»

Темнота. Пустота. Пустота.

* * *

Щелчок, еще один, и я очутилась в спектре видимого излучения. Раз, и я у живописного моста, с руками и деревьями повсюду, небом Ван Гога, лучистыми белыми звездами, хихикающими листьями и Ноем прямо передо мной. Он ждал меня. Его силуэт обрамляли те самые вековые, похожие на слонов деревья.

Мне вспомнилась одна статья об известной акации под названием *Тенере*. В начале своей карьеры я работала в издательстве. Один из наших романистов описывал ее в своей рукописи об осинах, объединенных между собой сложной корневой системой. Биологи утверждают, что деревья, хотя и существуют по отдельности, представляют собой один организм. Самая огромная роща весит шесть миллионов кило-

граммов и называется Пандо (или Дрожащий Гигант). Она растет на плоскогорье в Юте.

Как и полагается, кроме того, что это самый большой организм на земле, Пандо еще и самый старый организм возрастом восемьдесят тысяч лет. Я подумала, что Пандо — замечательная метафора жизни, в принципе, именно для этого автор и упомянул рошу в своей книге. В то время я еще только училась быть полноценным редактором, и моей основной работой была «проверка фактов», поэтому я и решила проверить статью о Пандо. Вот таким образом я наткнулась на совершенно другое дерево и заинтересовалась им. Акация *Тенере* полная противоположность Пандо: она одиноко растет в пустыне.

Тенере стала настоящим живым маяком; это первый или последний ориентир для тех, кто перебирается из Агадеса в Билму и наоборот. У подножия дерева часто отдыхают птицы. Замечая акацию издалека, они прилетают, чтобы обрести убежище, воду и зеленую листву. К сожалению, их ждет лишь смерть. Это не мираж, но и не оазис, где горлицы, вороны и назойливые воробьи смогут напиться. *Выдержка из статьи начальника А.М.М. Мишель Лесурд, Служба центральных дел Саньярен, 12 мая 1939 г.*

...Не оазис, где горлицы, вороны и назойливые воробьи смогут напиться... Тем не менее поэзия этого военного наблюдения стала ростком, что побуждает к глубоким раздумьям в этой немой, пустой сцене. Я всегда думала, что Ной и есть то одинокое печальное дерево в пустыне. Я распечатала целую страницу безжизненной растительности и приколотла ее к стене над своим столом, заставленным книжками. Я каждый день рассматривала картинку и думала о том давно исчезнувшем дереве, о том, как одиноко ему было без других деревьев, и том, что в его ветви впивались лишь когти стервятников. А может, я представляла себе Ноя, угрюмо сидящего на сломанной ветке.

Я снова встретила его на мосту.

— Ты его душа? Душа Ноя? Все это происходит в моем воображении?

— Не переживай, это я, Вивьен. Даже если все это тебе мерещится, иллюзии имеют лечебное свойство. Но это происходит на самом деле.

— Тогда что это? Сон?

— Не совсем. Нет.

— Я умерла, Ной?

— Пока нет.

— Я умру, верно?

— О, ты обязательно умрешь.

— В смысле, я умру сейчас, очень скоро?

— Скорее всего.

— Когда?

— Сложно сказать. Это не мне решать.

— А кому тогда? Кто решает?

— Что ж, нет кого-то конкретного. В некоторой мере ты тоже решаешь.

— Но все равно скоро. Ты сказал «скоро».

— Вероятнее всего, очень скоро.

Очень скоро. Я умру. Вот как он говорит об этом. Будто нет ничего более обыденного. Словно мы готовим ужин и я спросила, не осталось ли чеснока, и ему пришлось сказать голую правду: «Немного, только один зубчик, прости». Будто я совсем не скучала по нему с самой аварии: целых двадцать лет.

Честно говоря, сперва я решила, что *меня все устраивает*. Значит, я скоро умру. На самом деле это даже хорошо. Мне нравится этот мост, нравятся эти деревья, это небо, эти звезды. Мне нравится быть здесь, с ним. Нравится видеть его снова на ногах. Прошло так много времени. Столько лет. В последний раз, когда я видела Ноя, у него были атрофированы ноги и мы были так молоды.

И тут ко мне пришло ужасное осознание: я скоро умру. Что будет с моим восьмилетним сыном? Кто будет поддерживать его в сложные моменты? Кто будет его растить? Кто будет учить его жизни, удовлетворяя эти бесконечные запросы каждое утро и вечер: «Расскажи еще одну сказочку, мам». Кто еще будет счастлив лишь оттого, что он внимательно слушает? Джек, конечно, сделает все возможное, но он — лишь одна сторона родительского уравнения.

Только на прошлых выходных мы с Айваном нежились в его кровати, лежа под одеялом с роботами. Я читала ему «Единственного и неповторимого Айвана», и он смеялся над собакой, а когда герою по имени Айван стало грустно, он прослезился. Когда он уснул под мой голос, мое сердце словно зашевелили крылышки бабочек лишь от одного вида его небрежных белокурых кудряшек, что приподнимались в ритм с глубоким дыханием. Я тоже задремала, а когда проснулась, одна моя рука онемела под весом моего Айвана, а вторая — держала книжку о другом Айване.

— А что с Айваном? Я не могу его оставить, — сказала я, убирая руки от ограждения мостика.

— Позволь показать кое-что, Виви.

— Ты назвал меня Виви.

— Я всегда называл тебя Виви, Виви.

— Но ты не...

Но это не столь важно, тем более что Ной отвлек меня от этой мысли:

— Виви, спустись с моста.

Мы прыгнули на холм по ту сторону моста и понеслись по скользкой грязной тропинке меж тех узловатых деревьев. Листья все хихикали, ревели и шелестели во всю мощь.

Мы остановились у травяной двери прямо посреди холма, Ной потянул за ручку, березовую ветку, и мы вошли. Маленькая земляная комнатуха уж очень походила на хижину хоббита. Единственным, что отличало ее от жилища хоббита, было окно во всю стену с видом, насколько я поняла, на днище долины и ручей, что протекал под мостом. Корни, торчащие из низкого земляного потолка, цеплялись за мои волосы, пока я шла к окну. Ожидая снова увидеть внешний мир, я опешила, увидев Айвана, моего сына, он сидел в своей комнате и рассматривал мою фотографию. Не ручей. Не днище долины. Не ветви тех самых деревьев.

— Значит ли это, что я смогу видеть его, когда захочу? Подходить к окну и смотреть на него?

— У него уже есть защитники. Присмотрись получше.

Я прислонилась лицом к стеклу, стирая несуществующие тучи. Поначалу я не увидела ничего, кроме Айвана и своей фотографии. Шторы влетали прямо в комнату, шекоча макушку мальчугана.

— Присмотрись, на подоконнике, — сказал Ной.

Наклонив голову, словно это улучшит мое зрение, я заметила две бледные серые полупрозрачные тени, сидящие за занавесками.

— Они за ним присмотрят. У него больше защитников, чем у остальных, — тихо сказал Ной.

— Почему ты шепчешь?

— Я не хочу их отвлекать.

«Их?»

Одна из теней обернулась, словно услышав наш разговор или почувствовав напряжение. Вокруг меня образовалось дымчатое облако, и я потеряла глаза.

— Вивьен, что сделано, то сделано. Мы не можем вернуться. Не можем, пока Айван жив. Ты должна отпустить этого Айвана. Это очень тяжело, поверь мне, я знаю, но ты сможешь наблюдать за ним до самой смерти.

Я как ошпаренная вылетела из хижины. Ной вышел за мной. Мы оказались на лесной опушке. Деревья — это стены глубокого колодца, а мы — два камня, брошенных на дно.

Листья прекратили хохотать, а ветви будто осели. Рванувшись к мелкому клокочущему ручью, я захрипела, словно у меня случился коллапс легких. Ной подошел и положил руку мне на спину.

— Виви, прости. Иногда я здесь путаюсь и все еще делаю ошибки. Не нужно было показывать тебе мир живых. Все это слишком быстро. Слишком невероятно. Послушай, прошу. Дыши, Виви. Айван в порядке. В самом деле, даже в большем порядке, чем большинство людей. Некоторым и вовсе не достается защитников. Вот у тебя их не было, пока я не пришел. Если тебе везет, тебе достается один хранитель — предвестник или страж, что-то между, я не знаю. А если тебе очень везет, то два или три. Вив? Два для Айвана. Ты понимаешь, что это значит? Его ждут великие дела. Но послушай, тебе сейчас нельзя думать о нем. Я знаю, это сложно, но тебе нужно сосредоточиться на кое-чем другом. Виви? Вивьен?

Ной заглядывает в глубину моих глаз, пытаюсь достучаться до меня, хватая меня за плечи. Я смотрю в его голубые глаза, тону в них, воскрешая тот гипноз, как в молодости, тот уют, когда, глядя в его глаза, можно было забыть обо всем на свете. Мои плечи обмякли.

— Я могу сделать тебе подарок. Чтобы Айван был рядом с тобой. Здесь не существует времени, здесь не нужно считать часы, как в мире живых. А еще здесь можно получить все, о чем ты когда-либо мечтала или мечтаешь. Я же говорил: здесь есть варианты.

* * *

Ной объяснил мне, что я скоро умру, а он хочет облегчить мой переход. Он говорит, что я могу создать свой собственный Рай, посмотрев на Рай других людей, живых или умерших.

— Времени, — сказал он, — не существует. Ты можешь увидеть даже тех, кто пока еще жив, и их Рай, ведь здесь нет никакого времени и они всегда здесь. Хотя бы потому, что они существуют в твоей голове. Просто прими новые физические правила. Не путай себя, пытаясь применить к этому всему науку. В этом нет никакого смысла.

По его словам, посмотрев на жизни после смерти (опять же, даже тех, кто еще жив), я могу вдохновиться на сотворение собственного Рая. Однако есть один запрет: мне нельзя выбирать Рай одного из членов семьи. Ни сына, ни матери, ни отца.

— Ты перепутаешь жизнь со смертью или смерть с жизнью, если сделаешь это. Они в любом случае будут в твоём Раю, так что постарайся не попасться. Прошу тебя, попытайся весело провести время, изучи все возможности. — Словно проглотив воздух, он сделал вдох и медленно, осторожно сказал: — Пройди через все это со мной.

«Пройди» он произнес особенно четко.

— В чем подвох? Какой-то ты слишком осторожный, особенно когда дело касается ограничений.

Его взгляд упал на ветку, застрявшую между двух камней в ручье; он наклонился, чтобы дотянуться до нее. Немного поразмыслив над моим вопросом, теребя в руках ветку, словно какой-то талисман, и пытаясь найти нужные слова, он взглянул на сморщенные деревья и наконец посмотрел на меня:

— Вивьен, и в жизни, и в смерти — везде есть подвохи. Последствия. Отголоски. Мне позволено лишь показать тебе возможности. Я не могу их комментировать. И хотя я предлагаю тебе варианты, но не могу предупредить о возможных опасностях — последствиях, подвохах, называй как хочешь. Даже о неизменных.

Черты его прекрасного лица не дрогнули, сохраняя непоколебимость. Мой страх перекрыл все — и его предостережения, и мое беспокойство.

Чтобы избежать назойливых вопросов, он прижал палец к моим приоткрытым губам:

— Вивьен, пожалуйста, прошу. Позволь мне просто показать тебе возможности.

Я не хотела испытывать его решительность; он выглядел сурово и одновременно грустно, а еще, казалось, он возлагал на меня надежды. Мне тоже хотелось обрести надежду. Поэтому я промолчала.

Он продолжил объяснять мне правила выбора, но какой бы Рай я ни выбрала, он должен принадлежать кому-то из близких мне людей. Он называет их «ветрочёты».

Это приключение напомнило мне мою жизнь. Работая в издательстве и потом, будучи внештатным редактором, я анализировала различные жанры — художественную и научно-популярную литературу, мемуары, фантастику, *современные* книги, лишь бы оплатить коммунальные услуги нашего с Айваном нового дома в Гэмпшире. Но я понятия не имела, чей Рай мне выбрать, чтобы создать свой собственный идеальный загробный мир. Это предложение такое же абсурдное, как официантка, которая приносит целый поднос десертов, чтобы спросить, что ты хочешь: шоколадный фондан, карамельный тарт, божественное миндальное суфле или идеальный торт «три молока». Хм, все и сразу, пожалуйста! Но Рай ветрочётов? Это кажется невозможным. Я закрыла глаза и попыталась придумать, с чего же начать эту дивную Одиссею.

Глава III

Лацлан

Мою больничную палату наполнял сладкий аромат. Если бы у запахов был цвет и вкус, то это был бы фиолетовый цветочный аромат с сахарным вкусом. Я моргнула и максимально осторожно огляделась в поисках источника аромата. Ну конечно, на прикроватной тумбочке стоял пастельный букет сирени в круглой стеклянной вазе. Значит, сейчас май: сирень цветет в мае. Медбрат стоял ко мне спиной. Развернувшись и заметив, что я очнулась, он положил свой планшет, насколько я поняла, с моей диаграммой на крошечный стальной рукомойник.

— Ну, здравствуй, дорогуша. Мы надеялись, что ты присоединишься к нам немного раньше. Твой сынишка ушел пару часов назад. Не переживай, он вернется утром. Завтра уже пятница. Ты весь четверг просопела, словно гризли, объевшийся лосося. Так, на заметку. А твой мальчуган, у него все хорошо.

Хороший, маленький, сильный мальчик. Папаша просто симпатяга, ууууух, тебе с ним повезло, правда, милая! — Наклонившись ко мне, он прошептал: — Видел его жену. И, черт, они женаты с тех пор, как твой сынишка был совсем младенцем.

Он отклонился, лукаво подмигнув изогнутыми бровями, буд-то я что-то от него скрываю и он точно знает что.

Конечно, Джек тот еще симпатяга. Только попробуй избежать его зеленоглазого взгляда с огромными зрачками. Ну же, попробуй не думать о его сильных ногах между своих бедер. Для продвинутых игроков осмелюсь сказать: попробуй не возбудиться от дурманящих родинок на его мускулистых предплечьях и сочной груди. «Симпатяга» — это огромное преуменьшение. Джек, подобно самцу шелки¹, очаровывает тебя и зовет за собой в море.

— Ты что, уже улыбаешься? Ты ведь только проснулась. Ах ты, дьявол, прелесть, ты чертов дьявол!

Он погрозил пальцем, держась за пояс второй рукой, словно полная южная женщина в кружевной шляпе с мягкими полями.

Конечно же, я ему улыбалась. Я люблю прямолинейных людей, людей, которые не постыдились бы задавать беременным нескромные вопросы. И вот мой медбрат спросил:

— Как так вышло, что у тебя есть общий сын с женатым мужчиной, а он еще и приводит свою жену к тебе в больницу?

Что ж, мне действительно есть что рассказать, и я хотела бы поделиться этой историей со своим медбратом, но обо всем по порядку.

— Как вас зовут?

— Марти, милая. Меня зовут Марти.

Мне хотелось услышать хоть что-то о своем сыне, узнать, смогла ли моя мама навестить меня, терроризировал ли папа врачей в поисках ответов на вопросы, — в общем, услышать хоть что-нибудь помимо того, что приходил Джек, отец моего мальчика, чтобы убедиться в том, что мне пришел конец. Знаю, меня ждало кое-что поважнее — выбор Рая; да, я полностью осознавала, что нахожусь одновременно в двух измерениях.

¹ Шелки — мифические существа из шотландского и ирландского фольклора. (Здесь и далее примеч. пер., если не указано иное.)

Честное слово, я не собиралась пренебрегать смертью: просто инъекции морфина от Марти помогли мне принять две разные реальности. Тем не менее я вздрогнула при мысли о своих близких и Рае, который мне предстоит исследовать. Вместо этого я решила потратить последние силы на то, чтобы сконцентрировать внимание на человеке передо мной.

— Ты одинок, Марти?

— Пресвятые угодники, прелесть, неужели я тебе нравлюсь? Точно! Значит, мы с тобой подружимся? Я сразу понял, что ты мне понравишься, когда они привезли тебя.

Я лениво закатила глаза, пытаюсь заставить его ответить на мой вопрос.

— Дорогуша, знаешь что? Мне совсем не грустно, нет. Я видел прекрасного мальчугана, который скучает по маме, а еще видел его красавчика папу. Ммммм, да, просто красавчика. А потом мне посчастливилось поговорить с тобой. Так что все очень даже хорошо, понимаешь? — Он сглотнул слюну, наверное, чтобы самому поверить в свои слова. А затем более радостно, но таинственно продолжил: — Ты помнишь мою леди, леди в коме, которая умерла пару ночей назад? Я говорил тебе о ней вчера, да? У меня есть ее вещи. За ними никто не пришел. Ты только никому не говори. Наверное, мне следовало их вернуть. Как бы то ни было, это уже неважно. Это и не секрет вовсе. Нет-нет. Оставим секреты на потом.

Марти опустил плечи, словно отчаявшись. Я попыталась подбодрить его взглядом. Спустя какое-то время, видимо обдумав что-то, он снова вздрогнул.

— Значит, так, прелесть. У меня есть дневник леди в коме. Хочешь, я прочту тебе страничку?

Мне захотелось кивнуть и выкрикнуть «да», но сил хватило лишь на медленное и слабое «угу». Марти вероломно улыбнулся, так обычно улыбаются лучшие друзья, проделывая грязные делишки. Он украдкой выглянул в коридор, чтобы убедиться, что мы одни. Мне же казалось, что мы всегда были и будем одни, что весь мир — это глубокая, темная полночь. Холодного света флуоресцентных ламп в коридоре едва хватало, чтобы осветить мою тусклую комнату.

Марти придвинул стул к моей койке и достал из сумки у своих ног потрепанную кожаную книжку. Открыв первую страницу, он начал читать:

Дневник Силии Джонс. 16 марта 1973 года. В этот день я родила своего сыночка. Я наблюдала за монахинями в монастыре из-за деревьев; как же они вопили, найдя моего младенца в корзине рядом с кустами! Одна даже уронила записку. Вторая поспешила достать его, бросившись к корзине на той стороне лужайки. Я всегда буду помнить ее черную рясу и перекошенное лицо, когда она прочла мою записку — эти разрушительные, ужасные слова, привязанные к булыжнику. Кто-то назвал бы это жестоким вымогательством, но я просто сбежала. До чего же были шокированы монашки, даже не столько ребенком, сколько моей запиской, где я указала имя отца ребенка, его всем известное имя, — по крайней мере в «этих краях». Убедившись, что мой ребенок в безопасности, я сбежала, проскользнув мимо священника у выхода, который уткнулся взглядом в свои сложенные ладони.

На этом моменте в моих глазах начало темнеть, а сердце застучало слишком громко. Может быть, из-за истории Марти, а может, из-за упоминания священника — это напомнило мне о том, что предстоит важный выбор. Мониторы завизжали, а Марти вскрикнул:

— Погоди, милая. Погоди!

Один лишь Бог знает, какие чудеса медицины меня ждали. Я отключилась.

Марти пропал, а на зеленое кресло из искусственной кожи в углу моей палаты снизошел приглушенный белый свет. У подножия кресла стояла вторая ваза с фиолетовой сиренью. А в кресле сидел Ной.

— Вивьен, — позвал он.

Я обнаружила, что, когда Ной в комнате, мне намного легче говорить.

— Ной, — сказала я, словно все происходящее — это абсолютно нормально и ничуть не странно. Непонятно почему, но его присутствие в моей палате вмиг стало приемлемым

и предельно ясным. Быть может, загадка была решена ранее, спрятана в моей душе, и только смерть могла обнажить эту мирную, истинную правду.

— Ты уже думала о Рае, который хотела бы посетить? Или, точнее сказать, о примере Рая?

— Да.

Я не ожидала от себя такого ответа. Кажется, я сделала выбор, когда Марти сказал «священник»; я тут же подумала о Марти и Ное, ведь именно они отвечают за благополучие моего тела и души.

— Это должен быть кто-то, кто преподнес мне урок, но только не мои родители и не сын, верно?

— Да, все верно.

Его глаза с поволокой так и манили к себе, мне захотелось обнять его и говорить до бесконечности — делиться наблюдениями, мыслями, неважно какими.

— Что ж, ладно. — Я помолчала: я решила, чей Рай хочу посетить. — Ной, когда я только поступила в колледж, то жила с подругой и ее семьей в Куинсе. Мне было одиноко и грустно. Знаешь, тогда там была моя мама и ее... И конечно же, то, что случилось с тобой. Так или иначе, я была несчастна, поэтому полностью посвятила себя учебе. Мы с подругой жили на чердаке. Ее родители и братья заняли спальни на втором этаже.

— Я помню.

— Ты помнишь?

— Я писал тебе после аварии. Я помню все наши письма. И, Вивьен, прежде чем ты начнешь, нам нужно поговорить... Невозможно описать, насколько мне жаль...

Он приподнялся, чтобы подойти к моей кровати и заключить меня в словесные и физические объятия.

И даже несмотря на предсмертное состояние, я сжимала пальцами одеяло, изо всех сил пытаюсь не расплакаться. Но ничто не могло облегчить эту душевную боль. Когда между тесно связанными людьми появляется что-то лишнее, даже самая маленькая песчинка, эта самая песчинка может все испортить.

— Почему, Ной, почему ты бросил меня?

Благодарности

«Единственный и неповторимый Айван» — это очаровательная книга, написанная Кэтрин Эпплгейт, опубликованная 1 января 2012 года издательством «Харпер Коллинс» и получившая медаль Джона Ньюбери. Ее стоит перечитывать всю жизнь.

Спасибо Кимберли Кэмерон, которая всегда верила в меня и в «Невероятное путешествие Вивьен Маршалл». Эта книга обязана ей своей публикацией, ибо если бы не ее готовность рискнуть ради меня, то не было бы никакого «Невероятного путешествия Вивьен Маршалл». Спасибо Мэри Мур, Лайзе Аберелле, Дориан Маффей из команды издательства *Reputation Books*. Особая благодарность Дориан за ее острый глаз редактора и терпение в разъяснении мне своих правок. До чего же приятно работать с ней и со всей командой! Я благословлена.

Об авторе

Шеннон Кёрк — отмеченная наградами писательница, адвокат и профессор права, проживающая в Кейп-Энн, Массачусетс. Ее дебют, психологический триллер «Метод 15/33», привлёкший внимание критиков, переведен на множество языков и рассматривается к экранизации. Шеннон трижды становилась финалистка конкурса писателей имени Уильяма Фолкнера.

Посетите ее веб-сайт: ShannonKirkBooks.com

Содержание

Глава I.....	7
Глава II. Ной.....	9
Глава III. Лаклан.....	22
Глава IV. Заповедник священника.....	31
Глава V. Единственный и неповторимый Айван.....	43
Глава VI. Марти.....	46
Глава VII. Первый раз.....	53
Глава VIII. Спасение Армадилло, часть I.....	59
Глава IX. Спасение Армадилло, часть II.....	68
Глава X. Заповедник художника.....	79
Глава XI. Музей Памяти Пресноводья.....	90
Глава XII. Айван.....	96
Глава XIII. Наука удачи и невезения.....	98
Глава XIV. Марти.....	106
Глава XV. Вне себя от горя я не жила, а существовала.....	115
Глава XVI. Это аргентинское чувство.....	125
Глава XVII. Заповедник безымянного мальчика.....	136
Глава XVIII. Айван.....	144
Глава XIX. Музей Памяти Пресноводья.....	146
Глава XX. Неудавшийся роман.....	148
Глава XXI. Айван.....	162
Глава XXII. Дом.....	164
Глава XXIII. Уединение Джека.....	178
Глава XXIV. Ад серый. Ад индивидуальный.....	186
Глава XXV. Музей Памяти Пресноводья.....	189
Глава XXVI. Зеленый и серый.....	195
Глава XXVII. Рай родственной души.....	200
Глава XXVIII. Айван.....	205
Глава XXIX. Мой Рай.....	214
Постскрипtum.....	218
Благодарности.....	220
Об авторе.....	221

Літературно-художнє видання

КБОРК Шеннон
Неймовірна подорож Вів'єн Маршалл

Роман

(російською мовою)

Керівник проекту *М. Г. Шакура*
Відповідальний за випуск *Н. О. Мищенко*
Художній редактор *Ю. О. Дзекунова*
Технічний редактор *В. Г. Євлахов*
Коректор *І. В. Набока*

Підписано до друку 08.09.2017. Формат 84x108/32.
Друк офсетний. Гарнітура «Newton».
Ум. друк. арк. 11,76. Наклад 3000 пр. Зам. № .

Книжковий Клуб «Клуб Сімейного Дозвілля»
Св. № ДК65 від 26.05.2000
61140, Харків-140, просп. Гагаріна, 20а.
E-mail: cop@bookclub.ua

Віддруковано у ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, м. Харків, вул. Різдяна, 11.
Свідоцтво ДК № 3985 від 22.02.2011 р.
www.globus-book.com

Литературно-художественное издание

КЁРК Шеннон
Невероятное путешествие Вивьен Маршалл

Роман

Руководитель проекта *М. Г. Шакура*
Ответственный за выпуск *Н. А. Мищенко*
Художественный редактор *Ю. А. Дзекунова*
Технический редактор *В. Г. Евлахов*
Корректор *И. В. Набока*

Подписано в печать 08.09.2017. Формат 84x108/32.
Печать офсетная. Гарнитура «Newton».
Усл. печ. л. 11,76. Тираж 3000 экз. Зак. № .

Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга»,
Св. № ДК65 от 26.05.2000
61140, Харьков-140, просп. Гагарина, 20а,
E-mail: cop@bookclub.ua

Отпечатано в ПРАТ «Харківська книжкова фабрика “Глобус”»
61012, г. Харьков, ул. Рождественская, 11.
Свидетельство ДК № 3985 от 22.02.2011 г.
www.globus-book.com

УКРАИНА

- по телефонам справочной службы
(050) 113-93-93 (МТС); (093)170-03-93 (life)
(067) 332-93-93 (Киевстар); (057) 783-88-88
- на сайте Клуба: **www.bookclub.ua**
- в сети фирменных магазинов см. адреса на сайте Клуба или по QR-коду

Для оптовых клиентов

Харьков

тел./факс +38(057)703-44-57
e-mail: trade@ksd.ua

Киев

тел./факс +38(067)575-27-55
e-mail: kyiv@ksd.ua

Одесса

тел./факс +38(067)572-44-28
e-mail: odessa@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству
авторов**

e-mail: publish@ksd.ua

**Приглашаем к сотрудничеству художников,
переводчиков, редакторов**

e-mail: editor@ksd.ua

Життя Вів'єн Маршалл несподівано розділилося на «до» і «після»: вона стала жертвою автомобільної аварії. У важкому стані й без притомності жінка потрапляє до реанімації. Її душа ширяє в невагомості: Вів'єн відчуває, що перебуває в раю. Їй добре і спокійно, адже нарешті вона поруч із Ноем, своїм другом дитинства та першим справжнім коханням. Але там, у реальному житті, залишився її восьмирічний син...

Кёрк Ш.

К36 Невероятное путешествие Вивьен Маршалл : роман / Шеннон Кёрк ; пер. с англ. В. Бондарь. — Харьков : Книжный Клуб «Клуб Семейного Досуга», 2017. — 224 с.

ISBN 978-617-12-3962-3

ISBN 978-1-944387-08-2 (англ.)

Жизнь Вивьен Маршалл неожиданно разделилась на «до» и «после»: она стала жертвой автомобильной аварии. В тяжелом состоянии и без сознания женщина попадает в реанимацию. Ее душа парит в невесомости: Вивьен чувствует, что находится в раю. Ей хорошо и спокойно, ведь наконец-то она рядом с Ноем, своим другом детства и первой настоящей любовью. Но там, в реальной жизни, остался ее восьмилетний сын...

УДК 821.111(73)